

Страсти по идентичности и анонимность общества

В.П. Козырьков

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Поступила в редакцию: 15.09.23

В окончательном варианте: 30.09.23

■ Для цитирования: Козырьков В.П. Страсти по идентичности и анонимность общества // Вестник Самарского Государственного Технического Университета. Серия «Философия». 2023. Т. 5. № 4. С. 15–20. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.3>

Аннотация. В статье обосновывается идея, что реальный социальный процесс не сводится к набору идентичностей. Он имеет диалектический характер, в то время как в социальной науке он освоен через отрицание диалектики. Это привело к формированию общества анонимного характера и к такой культуре и социальной науке, которые воспроизводят эту анонимность.

Ключевые слова: понятие; термин; идентичность; анонимность; социология; противоречия; диалектика.

Passions on identity and the anonymity of society

V.P. Kozyrykov

National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia

Original article submitted: 15.09.23

Revision submitted: 30.09.23

■ For citation: Kozyrykov V.P. Passions on identity and the anonymity of society. *Vestnik of Samara State Technical University. Series Philosophy*. 2023;5(4):15–20. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-phil.2023.4.3>

Abstract. The article substantiates the idea that the real social process is not reducible to a set of identities. It has a dialectical character, while in social science it is mastered through the negation of dialectics. This has led to an anonymous society and to a culture and social science that reproduces this anonymity.

Keywords: term; identity; anonymity; sociology; contradictions; dialectics.

С 90-х годов в российской социальной науке появилось понятие идентичности и стало предметом долгой дискуссии. В нем увидели очень простое и понятное выражение соответствия между личностью и социальной структурой. Как обобщенно заявил один автор, «идентичность манифестирует все основные символы включенности индивида в сообщество» [1, с. 37]. Примем это определение за основу и попробуем выяснить природу идентичности.

Прошло 30 лет. Казалось бы, дискуссия завершилась, так как термин «идентичность» получил широкое распространение. Поисковая система Google показывает более 5 млн упоминаний. Электронные каталоги Elibrary и Академия Google демонстрируют поразительное многообразие видов социальной идентичности, которые выделяют авторы статей и монографий. Вот ряд из них:

культурная и цивилизационная, этническая и национальная, профессиональная и гражданская, российская и региональная, европейская и русская, локальная и глобальная, территориальная и московская, личностная и коллективная, сетевая и реальная, религиозная и толерантная, гендерная и материнская, геополитическая и локальная, городская и сельская, экономическая и политическая, субъектная и объектная, индивидуальная и корпоративная, мемориальная и актуальная, экзистенциальная и брендовая, советская и русская и др. виды идентичности.

Непритязательный взгляд на это перечисление общественных явлений, в которых фиксируется проблема с идентичностью, позволяет сделать четыре вывода. Во-первых, такое многообразие идентичности возможно благодаря тому, что социальное отношение упрощается до простого тождества, приобретая формальный характер, не выражающий специфики социальной реальности, ее развития. Во-вторых, в самом этом многообразии каждая идентичность «находит» себе противоположность, следовательно, идентичность раскола, поэтому напрашивается вывод о существовании проблемы с идентичностью общества в целом: мы не узнаем общества, в котором живем. В-третьих, наличие многообразия проблем с идентичностью и кризиса идентичности общества в целом говорит о том, что идентичность есть не символ, а некий ярлык, который мы по необходимости присваиваем обществу и его элементам конъюнктурно, чтобы узнать и признать кого-то как своих, а других — отнести к чужакам. Наконец, в-четвертых, если мы не знаем адекватной идентичности, не можем назвать и узнавать общество по существенному индикатору, а он существует объективно, то, следовательно, мы живем в анонимном обществе. Не случайно идет его постоянное переименование. Сейчас нравится называть его цифровым.

Р. Барт прямо связывал эффект анонимности с современным капиталистическим обществом. «Анонимность буржуазии, — утверждал он, — еще более усугубляется, когда мы переходим от собственно буржуазной культуры к ее производным, вульгаризированным формам, используемым в своего рода публичной философии, которая питает обыденную мораль, церемониалы, светские ритуалы, одним словом, неписанные нормы общежития в буржуазном обществе» [2, с. 107].

Разумеется, общество стало анонимным не только через экстраполяцию понятия идентичности, но и других понятий: социальной мобильности, социального статуса, социальных изменений, толерантности и др. Но понятия, использование которых представлялось новым шагом в социальной науке, в действительности лишь идентифицируют устоявшиеся капиталистические общественные отношения, которые воспроизводятся социальными институтами. Следовательно, анонимность имеет объективные истоки.

Понятия были заимствованы из социальной науки западных стран, по образу и подобию которых стали трансформировать постсоветское общество. Беда только в том, что эти страны не были социалистическими, а советское общество было, поэтому новые понятия не отражают существа постсоветского российского общества и тем более процессы его трансформации в общество капиталистическое. Заимствованные понятия не являются идентичными для нашего общества, так как предназначены для стабильного общества,

а российское общество находится в стадии резкого разворота, окончательные результаты которого еще не получены. В западной социальной науке капиталистическое общество считается естественным и вечным организмом, концом истории, а российское общество еще даже не определилось со своей стратегической целью, несмотря на все попытки это сделать. Это прямо подтверждается реальным историческим процессом и косвенно характером развития социальной науки, которая оценивается как находящаяся в кризисе [3–4].

В западных странах постоянно появляются новые теории, за которыми отечественные исследователи по инерции стремятся следовать как за самыми передовыми. Но для западных стран поток новых теорий важен для более детального исследования социальных структур с прикладными целями, а для российской социальной науки важно понять, почему произошел резкий поворот, и в каком направлении нам развиваться. Следовательно, у нас разная когнитивная идентичность, поэтому и социальные науки должны иметь иные функции.

Поэтому терминологические страсти 90-х, вызванные резкой сменой общественного строя, идеологических ориентиров и периодом романтического увлечения западной социологией, сейчас не улеглись. Но дело не в терминах, а в необходимости новой социальной теории и в развитии понятий. Мы просто привыкли к понятию «идентичности», сделав его даже модой. Например, вместо понятия «личность» стали говорить «идентичность», вместо «самосознание» — «идентификация», «профессионал» — «профессиональная идентичность» и т. д.

Хотя толкование категории идентичности меняется в соответствии с требованием очередной новой парадигмы. Это очень удобно, так как позволяет снять ответственность с социальной теории за то, что она не объяснила обществу определенных социальных проблем и не нашла способа их практического решения. Но тем самым вся социальная наука превращается лишь в набор оригинальных описаний социальной реальности в соответствии с выбранной парадигмой. То есть становится своеобразной «коллективной социальной феноменологией», не претендующей на открытие объективных закономерностей. Видимо, по этой причине позитивистская социология, которая еще доминирует в эмпирических и прикладных исследованиях, всячески отрешивается от феноменологии как от своей противоположности, но в действительности есть ее зеркальное отражение. А феноменология переходит к описанию художественной реальности [5] вместо повседневности. Но они противоположны только по своим истокам: феноменология изначально исходит из того, что социальная наука может лишь описывать реальность, а позитивизм приходит к этому описанию в итоге.

Правда, непонятно, каким образом может быть успешным процесс идентификации, если мы устрояемся от фиксации объективно происходящих противоречивых социальных явлений, которые являются причиной кризиса идентичности. Например, либерально-демократическая революция 1989–1993 гг. так и не получила социологического объяснения, так как не раскрыты социальные противоречия, которые ее вызвали, и не названы движущие силы. Социальные классы сейчас упоминаются только с прилагательным «средний» и рассматриваются как идентификатор стабильности западного общества,

а не как активный социальный субъект. В качестве субъекта идентификации чаще всего видится только отдельная личность, которая свободна в выборе идентификатора и средств идентификации. Проблема различных субъектов социальной идентификации и противоречий этого процесса часто вообще не ставится. Поэтому социальная наука опять не дает нам возможности узнать свое общество, но зато появляется множество идентификаторов. Как только постсоветское общество не называют: олигархическое, сословное, дикий капитализм, транзитивное, смешанное, потребления и т. д.

Таким образом, в результате идеологического умолчания старых тем, утверждения терминологического новояза и отвержения классических понятий мы оказались в обществе, которое в западной литературе уже давно получило название анонимного, в котором, говоря словами Р. Барта, выражена «анонимность мира, его неразличенность, его сугубая усеченность» [6, с. 160]. Таким неразличенным и усеченным в общественном сознании общество было и в советское время, так как существовала мощная идеологическая призма, которая все социальные реалии преломляла в сознании под определенным углом и в определенном направлении.

Но это не значит, что противоречия социализма не изучались. В 80-е годы было даже модно говорить, что мы не знаем общества, в котором живем. Началось его активное изучение. Но все это изучение закончилось социальной катастрофой: открывшиеся противоречия советского общества были взяты не для их разрешения, а как источник его разрушения. Был поставлен диагноз, что больной безнадежно болен, лечению не подлежит, поэтому необходимо... его преобразовать в другой социальный организм. И сделать это силовым способом, через разрушительную «шоковую терапию», которая даже в медицине давно используется очень редко [7]. Представляется, что такой метод по отношению к обществу в целом стал возможным лишь потому, что для авторов радикальной реформы общество было чужим, анонимным.

Возникшее в результате социальной терапии общество люди тоже не хотят признавать своим. Новые социальные противоречия не поддаются рациональному осмыслению и практическому разрешению. А СМИ, непрерывно фиксируя общественное внимание на острых проблемах, держат его в напряжении, а не в размышлении. В итоге постсоветское общество тоже остается анонимным.

Вполне понятно, что в условиях тотальной анонимности процесс социальной идентификации не может протекать без противоречий и утрат. А ведь в советском обществе мы сталкивались с вульгаризированными формами культуры, о которых говорил Р. Барт, но считали, что они изживут себя. Однако они не изжились, а развились и стали господствующими. Главная функция вульгарных форм культуры и состоит в сокрытии внутренних социальных противоречий и закономерностей современного общества. «Неписаными нормами общежития», говоря словами Р. Барта, являются не столько бросающиеся в глаза легитимные и моральные нормы, сколько тщательно скрываемые и незаконные. Они сейчас настолько свободно циркулируют в общественном сознании, что создаваемый для их выражения новояз без труда вытесняет традиционные термины и понятия (самосознание, общественное самосознание, класс и др.), а вместе с ними и отсекает тот смысловой мир, который духовно питал все дальше уходящий от нас двадцатый век. Например, еще в 90-х

было возможно появление книги с «архаичным» названием «самосознание» [8]. К концу 90-х работы по данной тематике стали выходить с другой терминологией, в которой фигурирует термин «идентичность» [9–11].

Таким образом, понятие «идентичности» имеет общенаучный характер, то есть используется не только в социальных, но и в естественных и технических науках. Следовательно, он выражает такой смысл, который имеет низкую планку онтологических требований и лишь условно, в качестве символа или метафоры, может быть использован в познании общества и культуры. Например, напрямую он может с успехом использоваться при опознании преступника или любого человека по формальным или биологическим признакам. Но в социальном познании его можно использовать лишь как элемент в структуре социального противоречия. Таким образом, с помощью этого понятия можно достигнуть универсального онтологизма, который позволяет человеку чувствовать себя «уродненным» со всем миром и с каждой его былинкой. Распространяли же разум человека на весь мир («Нус» Аристотеля), а позже человека называли «мыслящим тростником» (Б. Паскаль). Но на такой онтологии социальной теории не построишь. Из этого логически вытекает, что оно не выражает специфики общества и его структур, так как не раскрывает их противоречий и процесса развития. В результате общество остается анонимным.

Социальную науку в анонимном обществе можно было бы назвать постсоциальной. В том смысле, что она игнорирует специфику социальной реальности как противоречивой. Кому-то больше по душе называть ее постклассической, так как классическая наука дает знания, идентичные социальной реальности в ее противоречивости. Понятие «идентичности» противоречие выражает лишь с одной стороны, устойчивой. А если не выражает, то мы не можем утверждать, что она «манifestирует все основные символы включенности индивида в сообщество».

Список литературы

1. Козин Н.Г. Идентификация. История. Человек // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 37–48.
2. Барт Р. Миф сегодня // Барт Р. Избранные работы: семиотика: поэтика / под ред. Г.К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. С. 72–130.
3. Кемеров В.Е. Кризис, который всегда с тобой // Вопросы философии. 2018. № 6. С. 89–98.
4. Зеленцова М.Г. Кризис социально-гуманитарных наук как философская проблема // Вестник Гуманитарного института. 2020. № 1. С. 5–10. DOI: 10.6060/ВНИISUCT2020_5
5. Natanson M. *The erotic bird: phenomenology in literature*. Princeton University Press, 1998.
6. Барт Р. Из книги «О Расине» // Барт Р. Избранные работы: семиотика: поэтика. Поэтика / под ред. Г.К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. С. 142–232.
7. MedAboutMe [Internet]. Подакина В.В. Темное прошлое и светлое настоящее шоковой терапии. [дата обращения 26.07.2023]. Доступ по ссылке: https://medaboutme.ru/articles/temnoe_proshloe_i_svetloe_nastoyashchee_shokovoy_terapii/
8. Самосознание европейской культуры XX века. Москва: Политиздат, 1991. 366 с.
9. Идентичность и конфликт в постсоветских государствах: сборник статей / под ред. М.Б. Олкотт, В. Тишкова, А. Малашенко. Москва: Московский центр Карнеги, 1997. 488 с.
10. Проблемы культурной идентичности: материалы международного теоретического семинара / под ред. Т.М. Шатуновой. Казань: Экоцентр, 1998. 100 с.
11. Этнос. Идентичность. Образование / под ред. В.С. Собкина. Москва: Российская академия образования, 1998. 268 с.

References

1. Kozin NG. Identifikatsiya. Istoriya. Chelovek. *Voprosy filosofii*. 2011;(1):37–48. (In Russ.)
2. Bart R. Mif segodnya. In: Bart R. Izbrannye raboty: cemiotika: poetika. Ed. by G.K. Kosikov. Moscow: Progress; 1989. P. 72–130. (In Russ.)
3. Kemerov VE. Krizis, kotoryi vseгда s toboi. *Voprosy filosofii*. 2018;(6):89–98. (In Russ.)
4. Zelentsova MG. Krizis sotsial'no-gumanitarnykh nauk kak filosofskaya problema. *Vestnik Gumanitarnogo instituta*. 2020;(1):5–10. (In Russ.) DOI: 10.6060/BHIIISUCT2020_5
5. Natanson M. The erotic bird: phenomenology in literature. Princeton University Press; 1998.
6. Bart R. Iz knigi «O Rasine». In: Bart R. Izbrannye raboty: semiotika: poetika. Ed. by G.K. Kosikov. Moscow: Progress, 1989. P. 142–232. (In Russ.)
7. MedAboutMe [Internet]. Podakina VV. Temnoe proshloe i svetloe nastoyashchee shokovoi terapii. (In Russ.) [cited 2023 Jul 26]. Available from: https://medaboutme.ru/articles/temnoe_proshloe_i_svetloe_nastoyashchee_shokovoy_terapii/
8. Samosoznanie evropeiskoi kul'tury XX veka. Moscow: Politizdat; 1991. (In Russ.)
9. Identichnost' i konflikt v postsovetskikh gosudarstvakh: sbornik statei. Ed. by M.B. Olkott, V. Tishkov, A. Malashenko. Moscow: Moskovskii tsentr Karnegi; 1997. (In Russ.)
10. Problemy kul'turnoi identichnosti: materialy mezhdunarodnogo teoreticheskogo seminara. Ed. by T.M. Shatunova. Kazan': Eko-tsentr; 1998. (In Russ.)
11. Etnos. Identichnost'. Obrazovanie. Ed. by V.S. Sobkin. Moscow: Rossiiskaya akademiya obrazovaniya; 1998. (In Russ.)

Информация об авторе

Владимир Павлович Козырьков — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры отраслевой и прикладной социологии, ФГАОУВО «Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского», Нижний Новгород, Россия; eLibrary SPIN: 3250-4770. **E-mail:** kozir3@yandex.ru

Information about the author

Vladimir P. Kozyr'kov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Branch and Applied Sociology, National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia; eLibrary SPIN: 3250-4770. **E-mail:** kozir3@yandex.ru